

18+

На любовь своё сердце настрою

Юлиана Соколова

Юлиана Соколова

На любовь свое сердце настрою

«Издательские решения»

Соколова Ю.

На любовь свое сердце настрою / Ю. Соколова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Иногда любимое хобби становится ледяным капканом,
а большая любовь оставляет лишь шрамы и великие романы. Деревенский
работяга, влюбленный писатель, девочка — бунтарка и даже нищий
у церкви — сталкиваются с ситуациями, которые меняют их жизнь. Они
ищут космос в рутине, сражаются за право быть собой и платят высокую цену
за свои мечты. Эти шестнадцать историй о том, что скрывается за фасадом
повседневности: вина, нежность, одиночество и отчаянная потребность быть
понятым.

© Соколова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Капкан	6
Волос	12
Вязальная машина	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

На любовь свое сердце настрою

Юлиана Соколова

Иллюстратор Мария Кавыева

Корректор Золотовскова Анна

Редактор Иванков Алексей

© Юлиана Соколова, 2026

© Мария Кавыева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-4700-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капкан

На родине, в деревне Знаменской, Петра Михайловича уважали. Он жил тут с самого рождения. В восемнадцать лет уезжал на два года, проходил срочную службу в армии. Когда вернулся, сельсовет выделил ему участок, и он построил крепкий дом, женился на однокласснице Ларисе, родились дети.

Сейчас Михалыч уже три года как вышел на пенсию, но продолжал работать. Денег хватало, да и здоровье не подводило. Любимым его увлечением с детства была рыбалка. Он уезжал на машине в лесную глушь, на знакомые озерца, и рыбачил в одиночестве, наслаждаясь тишиной и спокойствием.

Лариса не одобряла эти поездки, а всё оттого, что там муж пристрастился к выпивке.

С рыбалки Михалыч возвращался с уловом, счастливый и довольный. Сам чистил рыбу, варил уху и готовил котлеты, угощал друзей.

В этот морозный воскресный день он проснулся рано и сразу мысленно настроился на рыбалку. По прогнозу сегодня ожидалось минус двадцать, в такую погоду всегда хорошо клюёт окунь.

Всю неделю Михалыч работал в городе на заводе, а сейчас, несмотря на мороз и недовольство жены, собирал вещи. Он наметил поехать на озеро, которое славилось окунями. Сложил в рюкзак рыбацкие утеплённые сапоги, тулуп, удочку, наживку — мотыля, — прихватил немного хлеба и сала.

Небольшая фляжка с самогоном уже лежала в кармане тулупа. Михалыч изредка бросал на рюкзак беспокойные взгляды.

Лариса проснулась и ворочалась — тихие сборы мужа всё же разбудили её.

Деловая, хваткая, чуть полноватая, но выглядевшая моложе своих лет Лариса считала, что муж мог бы уделять ей больше внимания. Она работала в магазине продавцом, и сегодня у неё был выходной; у них с мужем они редко совпадали, и от этого ей было вдвойне обидно, что он уезжает.

Она приподнялась на кровати и спросила:

— Едешь? Холод на улице собачий! — Не дождавшись ответа, фыркнула: — Взял, что ли?

Михалыч сразу понял, о чём речь, и тихо, но уверенно ответил:

— Не взял.

— Вижу, что готовился! Давай-давай, напёшься — оставайся там. Домой не приходи!

«Поймай меня ещё пьяным», — подумал он и улыбнулся. Михалыч любил жену, привык к ней, его всё устраивало; совместный быт и дети укрепили их брак. Жили они в большом доме, по деревенским меркам оба неплохо зарабатывали. Дети выросли, выучились, переехали в город и были по-своему счастливы. Михалыч понимал, что жена просто скучает без него, но считал, что один день в неделю он может посвятить любимому занятию.

Он ещё раз осмотрел собранные вещи.

— Сегодня приедет на пару часов Володя с Настей, будь дома к трём, — нарочито громко крикнула ему в спину Лариса.

Михалыч вспомнил, что старший сын обещал привезти внуку. Как же он мог забыть! Взяв себя в руки, ответил:

— Буду, — бодро сказал он и, прихватив свои вещи, поспешно вышел во двор.

На улице было ещё темно, мороз обжёг щёки и нос.

Машина долго не заводилась, пришлось ждать, пока прогреется двигатель.

Лариса обиженно наблюдала в окно из-за шторы, как муж возится на улице, запикивает в багажник бур, рюкзак, складное кресло и столик. Дождавшись, когда он уедет, она вернулась в кровать, легла, ей хотелось подремать.

— Охота же ему ехать, в такую рань спать бы ещё. — Она вздохнула и, отвернувшись к стене, лежала с открытыми глазами, затем крепко зажмурилась, пытаясь уснуть, и вдруг горько шмыгнула носом.

Михалыч не спеша ехал по знакомой дороге, уже присыпанной свежим снежком, наслаждаясь одиночеством. Густой лес появился через полчаса езды.

Высокие пушистые ели стояли, усыпанные снегом, маленькие сосны не выдержали напора и склонились к земле. Другие деревья — тонкие, с голыми ветками — сиротливо прижимались друг к другу. Дорога закончилась возле леса. Опасаясь заехать дальше, Михалыч остановился и вышел, достал лопату и быстро расчистил небольшую площадку, сел за руль и, лихо развернувшись, установил машину на приготовленное место.

— Хорошо встала, — пробормотал себе под нос.

Оставаясь один, он имел привычку говорить сам с собой, комментируя всё происходящее, не боясь быть услышанным и не стесняясь эмоций. Он специально уезжал на рыбалку в одиночку, чтобы проговорить свои мысли вслух и подумать. В таких поездках ему никто не был нужен, он отдыхал. Мужики в деревне иногда смеялись над ним, но Михалыч не обращал внимания на пересуды.

Он направился к озеру, расположенному недалеко от дороги и полному окуней. Приезжая сюда уже больше месяца, Михалыч подкармливал рыбу и сейчас ожидал хороший улов.

Почему-то мужчины в Знаменской не особо любили рыбалку. Городские тоже не решались приехать, не знали местности, да и далековато.

А леса тут были бескрайние, красивые, летом много ягод, осенью — грибов. Деревня процветала, строились современные дома вместо старых, всё чаще горожане проводили выходные или отпуск здесь.

Взять, к примеру, старого печника Савелия. Он стал востребованным и уважаемым человеком, потому что молодёжь, строящая огромные современные оснащённые газом коттеджи, не отказывала себе в удовольствии поставить ещё камин или сложить русскую печь. При встрече с соседями на любые расспросы Савелий в ответ молча проводил рукой по горлу, показывая, что дел полно. Ясно — его вновь кто-то нанял для наладки старой печи или строительства новой.

Снег пошёл резко, когда Михалыч уже устроился на месте, установив маленькое складное кресло и столик. Большая лунка, приготовленная ещё неделю назад, затянулась толстой коркой льда. В который раз Михалыч пробурил её, расширив пешней больше, чем обычно, закрепил удочку и, усевшись в кресле, глубоко вздохнул и улыбнулся. Наслаждаясь тишиной, он размышлял о своей жизни, о природе, вспоминал родителей и молодость. Вокруг был только лес, и изредка где-то вдалеке большая птица перелетала с ветки на ветку, при этом снег, мягкий и пушистый, легко падал вниз. Природа успокаивала и вдохновляла, навевала романтическое настроение.

Михалыч, конечно же,пил привезённый с собой самогон, чувствуя, как тепло согревает тело, а голова тяжелеет, и всё вокруг становится расплывчатым. Он часто сладко засыпал в ожидании поклёвки и вздрагивал от громких птичьих криков. Сейчас, когда рассвет только занимался, вновь захотелось спать, и он уснул.

Сколько проспал, Михалыч не знал. Очнулся и увидел, что солнце висит высоко над горизонтом. Часы показывали полдень. Он сидел, развалившись в кресле, а когда попробовал встать, что-то не дало ему подняться. Он наклонился, пытаясь понять, в чём дело. Левая нога сильно онемела — глубоко провалившись в лунку, она была скована льдом.

Михалыч от неожиданности охнул и ругнулся, затем осмотрелся. Пустая фляжка соскользнула со стола и валялась в снегу, недоеденный кусок ржаного хлеба с салом лежал на столике. Большой чёрный ворон прохаживался, отщипывая от нежданной добычи; склонив голову набок, поглядел на Михалыча своими чёрными, круглыми как бусины глазами, и продолжил клевать хлеб.

Михалыч потянулся за буром, но, резко дернув ногой, упал со стула в снег и почувствовал боль в щиколотке. Он понял, что не достанет бур, и сплюнул в сердцах. Что делать?

Внезапно зазвонил телефон во внутреннем кармане тулупа. Это оказался Леонид, сосед:

— Алло, Михалыч, как там рыбалка? Я видел утром, как ты уезжал.

— Слушай, приезжай к маленькому озеру с топором, у меня тут нога в лунке застряла. Только никому не говори!

— Как так? — сосед рассмеялся.

— Да не гогочи ты! — Михалыч разозлился. — Помоги, нога уже онемела.

— Лады, приеду. Не расплатишься ты со мной. Что ж никого не взял с собой? Поехал один как бирюк, хочешь всю рыбу переловить в наших озёрах?

Михалыч слушал и скрипел зубами. Язвительный сосед, конечно, поможет, но слушать его сейчас было невыносимо тяжело.

Прошло полчаса. Михалыч безуспешно пытался освободиться, но лёд крепко сковал щиколотку. Боль в ноге нарастала и мешала сосредоточиться.

Вдалеке послышался спасительный гул мотора. Михалыч обернулся на звук и заметил две машины — сына Володи и соседа. С какой стати они вдвоём едут?

Он почувствовал, как от волнения комок подкатывает к горлу. Захлопали дверцы автомобилей... Узнал издали голос жены, громогласный и живой, выразительный голос сына и старческое дребезжание соседа.

— Вот он, дедушка! — услышал он крик внучки Насти, панически схватил фляжку и забросил её подальше в снег, пакет с остатками хлеба и сала спрятал в карман.

— Дедушка, мы с папой приехали тебя спасти, — Настя выскочила из машины, подбежала и повисла у него на шее. — Тебе больно?

От резкого толчка нога действительно заболела ещё больше, но Михалыч только поморщился и обнял внучку.

Подошедший к нему сын спросил:

— Что тут у тебя?

— Вы привезли топор? — только и смог проговорить Михалыч.

— Нет, мы даже не поняли, что тут с тобой.

— Как же так? Я чётко объяснил: нога застряла в лунке, и лёд схватился, а я и не заметил сразу.

Сзади подошла жена:

— Вот же чёрт пьющий, оставайся тут и сиди, домой не приходи! Позор на всю деревню!

Причитая, она ударила его по спине чем-то мягким. Михалыч дёрнулся, и снова резкая боль пронзила ногу.

— Что же вы топор-то не привезли?

— Да не дрейфь, сейчас вытащим! — уверенно сказал сын.

— Допился! — причитала Лариса.

Володя старался вставить бур в лунку, не задев ногу, но у него ничего не вышло.

— Нужно как можно скорее разбить лёд, — Леонид достал из кармана небольшой нож.

Однако лезвие гнулось и не могло повредить корку.

— Володя, в машине у меня топор лежит, — внезапно вспомнил Михалыч.

Володя взял ключи от машины отца и быстро сходил за топором. Двумя резкими ударами он разрубил лёд.

Ногой невозможно было пошевелить, куски льда намертво прилипли к штанам. Ткань пришлось разрезать, а Лариса натёрла ногу привезённым мужиками спиртом. Красноватый цвет кожи давал надежду, что сильного обморожения ещё нет.

Пока ногу освобождали из ловушки, подъехали ещё трое мужиков из деревни — на помощь.

— Володя, помоги поднять отца, — скомандовал один из приехавших спасателей.

Михалыч тяжело повис на сыне, и едва шёл, волоча ногу. Вещи собрала жена, проигнорировав удочку — её прихватил Леонид. Осматривая место, нашли флягу, которую не удалось далеко забросить.

— Вот чем он тут занимается! Поэтому один и ездит всегда! — Леонид засмеялся, и его поддержали разноголосым смехом.

Жена, которой передали фляжку, вдруг сказала:

— У него все мужики в роду были пьющие — и отец, и дед.

Михалыч вздрогнул и остановился.

Его дед Василий всю жизнь проработал на поле в этой деревне; фронтовик, дошёл до Берлина, воспитал четверых детей. Отец, Михаил, буквально жил за рулём, постоянно помогал своим сыновьям и братьям, выпивал по деревенским меркам мало, имел большое хозяйство. Было горько и обидно слышать такие слова — даже брошенные в никуда, они могли прижиться и разойтись по деревне. Не решаясь ответить жене, Михалыч смолчал, посуровел и даже чуть прибавил шаг, решительно наступая на больную ногу.

Домой Михалыч не пошёл и от больницы отказался.

Леонид ещё утром затопил баню, и незадачливого рыбака привезли туда, помогли раздеться. Он уселся на верхнюю полку. Пришёл сын соседа — Виталий, молодой врач. Он как раз на неделю приехал в отпуск домой; осмотрев ногу, сказал:

— Когда вытаскивали, не повредили, уже хорошо. Боль чувствуется — это тоже замечательно. Нogu не перегревать! Работать неделю не сможете, но жить будете, Пётр Михайлович, — подбодрил он.

Вскоре Михалыч сидел за столом с соседями. Нога болела, жаль было порванную штанину и изодранный сапог. Приходила Лариса, болтала с соседями, назвала его позорищем. Женщины громко смеялись, обсуждая своих мужей, вспоминали семейные истории и не расходились по домам. Мужчины прислушивались к рассказам, краснели, зло посматривали на весёлых жён, но не одёргивали — всё равно трещать будут...

Зато Павел, сын хозяина бани, выйдя к женщинам и скомандовал:

— Так, расходимся! Галдите тут, как сороки!

На него сразу накинулись:

— Мал ещё так разговаривать! Молоко на губах не обсохло, а туда же!

И хотя никто из мужчин так и не поддержал Павла, он вернулся и гордо сообщил:

— Вроде расходятся.

«Хороший парень этот Павел, — подумал Михалыч. — Нужно будет позвать его с собой на рыбалку. Съездим, ему должно понравиться».

Немного позже забежал Володя:

— Попарюсь тут с вами.

— Что мать делает? — подступил к нему Михалыч.

— Пельмени лепят, человек семь там, в хате, собралось.

В баню же набились соседи; мужчины приходили, разглядывали ногу, давали советы и уходили, потом возвращались. Обсудили зимнюю и летнюю рыбалку, рассказали способы, чтобы лунка не замерзала.

— Лично я использую газету или картон, — сказал Михалыч.

— Картон — это ерунда! Тут нужен гусиный жир.

— Да не, жир так же замёрзнет, как и вода...

Спор продолжался, а Михалыч почувствовал усталость. Он долго парился, нога прогрелась и уже не болела. Рядом шутили и смеялись, а он становился всё мрачнее.

Семён, молодой парень, переключил внимание на себя:

— А вот со мной был случай. Собрался на рыбалку, после работы забежал в магазин, купил сигарет и пару куриных окорочков. Мне на работе мужики рассказали, что на куриное мясо хорошо клюёт сом. Даже заморачиваться не надо — отщипывай да насаживай, а клёв будет бешеный.

Семёна не перебивали, слушали.

— Пришёл я домой, куриные ножки положил на балкон. Как мне сказали, важно, чтоб курятина была немного лежалая. Леска-плетёнка осталась от деда — старая, проверенная, ни разу не порванная, до сих пор очень прочная. Савельича ещё позвал с собой. Вечером вышел на улицу, а под ноги мелкая шавка кинулась и лает. Не люблю этих карманных мосек, противные такие, толку от них нету.

Возле озера комаров тьма, вода тёплая, мы искупались даже. Костёр разожгли. Люблю я наши места, скучаю по ним в городе. Поставили удочки, я сижу на берегу да подрёмываю. Поклёвки мало.

Уже ночью, когда мы почти уснули, удочка буквально поползла к воде. Я схватил и потянул на себя, а никак не идёт, чувствую — рыбища точно не меньше пяти кило! Кликнул Савельича — тот проснулся и сачок приготовил.

Я тяну и вижу — на леске дёргается что-то большое и мохнатое. От испуга я чуть в костровище не свалился. А потом при свете фонарика увидел, что поймал на крючок соседскую собаку Жучку. Она прибежала за нами на запах курицы. У неё из пасти торчит большой кусок, а крючок за щёку зацепился.

Мужики громко захохотали. Семён, посмеиваясь, продолжил:

— Я отцепил крючок. Жучка удрала, но курятину не выпустила из зубов! А мы спать легли. Наутро смотрю — озеро настолько обмелело, что леска долетела до другого берега, и собака легко нашла кусок курицы. В общем, пошли мы с Савельичем на другое озеро тем же вечером, ну и наловили рыбы спокойно.

— Ну уж ты брешешь, это какое наше озеро так обмелело?

— Да года три назад всё сильно обмелело. Жара-то какая стояла!

Загалдели, заспорили. Михалыч снова пошёл в парилку и подумал, что неплохо бы почаще вот так сидеть в компании односельчан и слушать их истории.

Позже Володя принёс из дома кастрюлю пельменей, ещё дымящуюся паром, и поставил на стол. Мужики повеселели.

— Пётр Михалыч, выпей, легче будет.

Тот вздрогнул, мотнул головой и отказался.

— Неохота... В бане много есть вредно.

Пельмени явно варила жена — тонкая плёнка от сливочного масла, покрывавшая бульон, выдавала её. Удерживаясь от соблазна, Михалыч ушёл в парилку и сидел там, выжидая, пока мужики съедят пельмени и выпьют, хотя ему сильно хотелось есть. Вернулся, когда услышал громкий смех — его снова обсуждали. Павел с кем-то вступил в спор:

— А я помню, как ты прошлой осенью пошёл за грибами и заблудился, так-то всей деревней тебя искали. Так что и на старуху бывает проруха!

И вновь начались истории...

Так сидели долго, пока жёны не разогнали всех.

Домой Михалыч пришёл поздно, покурив около калитки с соседом. Машина стояла во дворе. Жена оскорблённо молчала, а сын, попарившись с ними, уже давно уехал в город, забрав внучку.

Михалыч зашёл в кухню и увидел на столе детскую тарелку с недоеденными пельменями. — Это Настя сама налепила. Отварили, а она не доела, — объяснила ему Лариса.

Михалыч не удержался и с аппетитом их съел — вкусные, пусть холодные и разные по размеру.

Поев, прошёл в комнату и лёг на полати. Печку он любил с детства, сам устранял неполадки, белил. Не давал жене бросать в топку никакого мусора, кроме бумаги для розжига и дров. Ему нравился запах, исходивший от печи, и яркое пламя.

«Завтра всё успокоится — и помиримся. Будет хорошо», — подумалось ему.

Уже в полудрёме вспомнил про удочку и ойкнул. Кто же её забрал? Как он не заметил-то? Завтра надо спросить — может, кто из мужиков взял?

Жаль, что выходной так быстро прошёл.

Нога вновь заныла, он тихо застонал, пришлось встать и подложить старую фланелевую рубашку. Стало удобнее и мягче.

Огонь потрескивал в печи. Михалыч тяжело вздохнул, закрыл глаза; он засыпал.

Волос

Ремарк, тяжело подняв голову с подушки, взглянул на стену. Старые немецкие ходики показывали шесть утра. Домой с вечеринки он вернулся за полночь, ещё час понадобился, чтобы уснуть. Ему редко удавалось выбираться из дома, и несмотря на то, что в обществе его хорошо принимали, друзей у него было немного. Здесь, в Порто-Ронко, Ремарк был желанным гостем. Вчерашний вечер получился весёлым, общение с людьми доставило Эриху удовольствие. Он много пил, курил, вступил с незнакомцем в обсуждение творчества Фёдора Достоевского. Русского писателя Ремарк читал ещё в юности и хорошо знал его произведения, да и в целом свободно рассуждал о русской литературе.

Но проснулся он в дурном настроении и выглядел мрачным, хмурым, даже больным, и продолжал лежать на кровати, но не смог уснуть вновь. Захотелось подняться и выпить, но Ремарк сдержал этот порыв. Сегодня ночью ему приснился сон, странно похожий на сюжет ещё не написанного романа, который он уже давно обдумывал. Снились война и та женщина, что покинула его, и он сам, так непохожий на себя в реальной жизни.

Последний его роман издали два года назад. Вынужденный простой тяготил.

О чём Эрих думал? Что ему снилось? Тема, которая так тревожила его, к которой он раз за разом возвращался — Первая мировая война. Мысли о ней выматывали и мучили ночными кошмарами.

Ремарк размышлял и писал о войне, давал интервью. Пережитое тревожило его, а воспоминания — преследовали. Прокручивая в мыслях военные события, не разделяя идей соотечественников, чувствовал себя изгоем в своей стране и не мог откровенно комментировать происходящее в Германии, а в компаниях приходилось сдерживаться.

Понимая, что подобные рассуждения обязательно навредят художественному произведению, Ремарк решил вывести на первый план основного героя — беженца, не имеющего легального вида на жительство и пострадавшего от войны.

Эрих неуклюже поднялся с кровати. Нетвердой походкой зашёл в ванную, открыл кран и, набрав полные ладони ледяной воды, умылся. Холод разбудил его окончательно. Ремарк взбодрился, но его нервозность стала ещё острее. Вытерев лицо насухо, он прошёл в гостиную, увидел на столе завтрак, приготовленный помощницей Розой, сел за стол и начал медленно есть, раздумывая, чем сегодня заняться. Но мысли возвращались к сновидению. Поняв, что сон не отвяжется, Ремарк разозлился и перебрался в свой кабинет. Устроился в кресле с бокалом в руках и не торопясь наслаждался ароматной жидкостью, слегка покачиваясь, вспоминая сон и думая над сюжетом будущего романа.

Ремарк любил коньяк, но сейчас не чувствовал вкуса и запаха, не замечал цвета. Хоть бы кто-нибудь позвонил, пригласил куда-нибудь, отвлёт от надоедливых мыслей и воспоминаний! Он согласен дать интервью любой газете мира, поговорить с кем угодно, но не быть в одиночестве. Тут, в Швейцарии, депрессия окончательно захватила его.

Он допил коньяк и, тяжело поднявшись, прошёлся по комнате, остановился около камина и уставился на фото в рамке. Изящная женщина на снимке казалась надменной. Высокая причёска, остро очерченные скулы, выразительные синие глаза, длинная шея, чуть припухлые губы — глаз не отвести. Ах, какой у неё волшебный голос! Это была любовь с первого взгляда.

Ремарк перевернул снимок и прочитал надпись — «Моему гению! Марлен Дитрих, 1937 год».

Их первая встреча состоялась при большом скоплении людей. Сначала он потерялся на фоне толпы и не был ею замечен, лишь позже сумел расположить Марлен к себе. Она флиртвала с ним; как хорошая актриса, смогла произвести впечатление: всегда шикарно выглядела и умела вести себя в обществе. Она его приворожила! Стала для него роковой женщиной...

Эрих тихо застонал и тут же взял себя в руки. Если Роза услышит, то непременно забеспокоится и подумает, что ему опять стало плохо.

Он подошёл к столу и коснулся пальцами лежащего томика Гёте. Марлен читала его, когда в последний раз гостила здесь. Эрих не трогал эту книгу и никому не разрешал прикасаться к ней. А теперь неуверенно взял её в руки, покрутил и, открыв, начал неспешно перелистывать. Заметив светлый волос между страницами, он захлопнул книгу и трепетно положил её на место.

Ему стало дурно, захотелось сделать себе больно и тем самым притупить душевные муки. Эрих ощутил рвущийся из самой глубины крик о том, как ненавидит Марлен и как мучительно любит её несмотря ни на что. В глазах потемнело, вспышкой пронеслось воспоминание, как она отвергла его предложение о замужестве, призналась, что у неё есть любовник, и что совсем недавно сделала аборт.

— Никто другой, никто другой, — шептал Эрих, — не будет любить её так, как я.

Дрожа, он нагнулся над журнальным столиком. Его руки, всегда сильные, но не способные разрушать, сейчас были готовы что-то уничтожить...

— Никто другой, — будто заведённый, злорадно повторял он, — не будет её любить!

Он опомнился, когда уже кричал во весь голос. Пробормотал своё проклятье ещё несколько раз и встал в полный рост.

Неожиданно для себя Ремарк снова взял книгу, открыл её и в волнении начал искать волос. Тот как будто специально лежал там, чтобы в нужный момент его обнаружили и выплеснули чувства и необъяснимую для других людей тревожность — всё то, что таилось в груди.

Вдруг Эриху показалось, что волос выпал из книги и затерялся, но, перелистнув ещё страницу, он нашёл своё сокровище, поспешно схватил, боясь выронить, и принялся жадно целовать его. Он так неистовствовал, что, если бы сейчас кто-то отвлёк его, то мог бы избить этого человека. Ремарк остановился, когда многократно покрыв волос поцелуями, вложил его в книгу и спрятал от чужих глаз.

— Работать. Работать. Прочь от Пумы! Прочь, прочь! В этом нет больше никакого смысла, — прошептал он себе под нос. — Я должен писать. Я должен сделать всё, что могу. Иначе... моя жизнь не имеет смысла.

Успокоившись, он решил выйти на воздух; нетвёрдой походкой выбрался из зала в сад и зажмурился от яркого декабрьского солнца, которое ослепило его, едва не сбив с ног. Что с ним? Как он дошёл до такого? Чёртова депрессия. Нужно работать. Не хватало ещё, чтобы опять позвонил Отто и начал давать советы, как и что ему писать. Ему! Эриху Марии Ремарку. Ещё чего не хватало. Вздор! Всё вздор!

Глубоко вздохнув, он вернулся в дом. К чёрту коньяк, от него болит голова и портится настроение! Американские друзья подарили недавно ящик кальвадоса — пришло время открыть и попробовать этот бренди на вкус.

Прихватив с кухни одну бутылку и яблоко, Ремарк вышел на свежий воздух.

Летом сад стараниями садовника превращался в райское место, но и сейчас, в декабре, он выглядел живописно. В тёплые дни Эрих часто сидел возле стены дикого винограда, но никогда раньше не работал тут. Застеклённая беседка со столом из чёрного гранита и ковром на каменном полу стояла в очень удобном месте — солнце проникало в неё, но не ослепляло.

Ремарк поставил бутылку на стол, положил рядом яблоко, на миг задумался и направился к дому. Постоял около своей комнаты, затем быстро вошёл и взял пачку бумаги с карандашом. Прихватив из кухни бокал, он вернулся в беседку.

С минуту всматривался в утреннее солнце, настраивал себя на нужный лад. Потом вновь что-то зашептал, уже без неистовства, открыл бутылку и налил янтарную жидкость в бокал. Сделав глоток, он ощутил приятно обжигающее тепло и пододвинул к себе пачку бумаги и карандаш.

И принялся писать...

Он работал, не прерываясь. На бумаге вырисовывался образ молодого немецкого доктора, хирурга, живущего во Франции и нелегально работающего под чужой фамилией. Военные действия Германии заставили его покинуть родину, и он скрывался под чужим именем, навсегда потеряв любимую женщину и связь с родными.

Ремарк недолго думал над именем героя и назвал его Равиком. Внезапно он сильно нажал на карандаш и сломал грифель... Его любимая должна стать главной героиней романа, и нужно, чтобы она появилась в произведении с первых страниц.

Она — самая главная женщина в жизни Эриха. Одинокая, потерянная и нуждающаяся в нём.

Думая о Марлен, как о посторонней, он встал и пошёл к дому. Взяв на кухне небольшой нож для заточки карандаша, уже хотел вернуться в беседку, но взглянул в сторону рабочего кабинета. Непреодолимая сила заставила его открыть дверь и забрать фотографию Марлен с камина.

Когда они впервые посетили Париж, то стали называть его «своим городом». На снимке их трое: Триумфальная арка, Ремарк, спокойный и уверенный, Марлен — безупречно элегантная. Разве может кто-то сравниться с ней?

Сейчас, когда она нужна ему как муза, как фея, как прототип героини его романа, Эрих стал добрее к ней. Захотелось позвонить, поговорить, назначить встречу, но он вновь сдержал свой порыв и, вернувшись на кухню, прихватил лимон, тарелку, пепельницу и сигареты. По пути в беседку посмотрел на часы — те показывали девять утра. Это обрадовало — значит, есть масса времени, чтобы поработать при солнечном свете.

Ремарк удобно расположился, закурил и наполнил бокал кальвадосом, очинил карандаш и продолжил творить, поглядывая на портрет Марлен.

Он работал быстро и пока ничего не правил, сочиняя сюжетную линию. Понимая, что писать будет долго, мысленно прикинул, что отправит редактору несколько рассказов, которые уже давно готовы.

Ремарк ухмыльнулся и выпил. Кальвадос опять обжёг горло, а потом и желудок; срочно требовалось чем-то закусить, но Эрих не решился и отвлёкся только на сигарету.

Когда принесённая стопка бумаги закончилась, он поднялся с места, довольный и вдохновлённый результатом. Зайдя в дом, решительно взял печатную машинку и новую пачку бумаги.

Заглянув на кухню, он сказал Розе, которая как раз в тот момент чистила овощи:

— Роза, я сегодня хочу пообедать в беседке.

— Конечно. Я накрою для вас там, — ответила она, улыбаясь, довольная, что Эрих снова работает «над чем-то большим» — так она называла романы. Она гордилась им, незаметно читала его творения. Что-то нравилось больше, что-то меньше, но она никогда не критиковала и скорее сочла бы себя глупой, чем подумала, будто Эрих может написать плохо.

Ремарк вернулся в беседку.

Его отвлёт телефонный звонок, звуки которого еле слышно доносились из дома. Он не спешил подниматься: Роза позовёт только при очень важном звонке, а остальные сообщения запишет.

В этот раз его не позвали и не сбили с ритма.

Он много и долго трудился, сюжет романа уходил всё дальше, раскручивая цепь событий.

Солнце стояло в зените, когда Роза принесла обед. Ремарк медленно ел, поглощённый сюжетом. В его голове рождались образы, события, диалоги. Закончив обедать, вновь принялся писать. Хотелось многое сказать, и он смело высказывал устами героев те мысли, что так долго копились внутри.

Вечером, когда основа романа лежала на столе, Ремарк оторвался от работы и удивился сам себе. Взглянул на пустую бутылку кальвадоса, допил глоток из бокала, цокнул языком и пробормотал:

— Никогда больше не буду это пить без неё.

Он курил и думал, чувствуя непривычную лёгкость. Поднявшись со скамьи, направился к дому и, зайдя в кухню, спросил:

— Роза, кто звонил?

Она улыбнулась:

— Ваши друзья. Сегодня ближе к восьми вечера все собираются у Майера. Вас тоже пригласили.

— Это же отлично, Роза! — Эрих заметил замешательство домоправительницы. — Ты что-то ещё хочешь сказать?

— Вам пришла почта.

Ремарк бросил взгляд на стол: там лежало письмо из издательства — роман «Возвращение» пришлось допечатать, так быстро его раскупали, — и телеграмма от Марлен. Эрих раскрыл листок и прочёл чётко напечатанные буквы: «Любимый Альфред, посылаю тебе всё моё сердце». Он стоял посреди комнаты с телеграммой в руке и без конца перечитывал дорогие для него слова.

Затем подошёл к телефону и быстро, заученными движениями набрал номер, продиктовал адрес и текст ответа: «Начал новую книгу для тебя одной тчк».

Он закурил и выкинул послание Марлен в мусорное ведро.

Ему предстояла семилетняя работа над романом «Триумфальная арка».

Вязальная машина

Егор неохотно бросил в могилу первый ком чёрной жёсткой земли, затем это сделали остальные, а рабочие-могильщики принялись старательно закапывать гроб. Через некоторое время всё было кончено, и крест с именем жены Егора установили на могиле. Рядом стояли соседи. Родня жены скорбела чуть поодаль, особняком ото всех. Мать, ещё не старая женщина, плакала навзрыд, её поддерживали вторая дочь с зятем, который, как охранник, нависал над обеими женщинами.

Когда дело было сделано, Егор расплатился с рабочими и ещё немного постоял могилы, где лежал и его сын, Фёдор, и присоединившаяся к сыну жена, Валентина. Соседи разошлись, молодой человек и девушка увели плачущую тёщу.

Егор остался один. Высокий, худощавый, черноволосый, он стоял на кладбищенском ветру, как столб, видимый со всех сторон. Вздохнув, он вытер невидимую слезу и задумчиво пошёл прочь.

Валентину он встретил в Рязани. После свадьбы Егор привёз молодую жену в свою деревню. С самого начала их отношения казались для окружающих странными, но Валентина была слишком влюблена и слишком молода, чтобы выслушивать чужие сомнения. Весёлая, красивая, энергичная, она была талантливой рукодельницей и явно не подходила в жёны угрюмому и нелюдимому Егору. Сразу после свадьбы Валентина забеременела и в срок родила мальчика Федю. Тогда пересуды родных приумолкли. Она ещё до замужества успела закончить швейное училище и в деревню из города переехала с новенькой машинкой, на которой вязала вещи для детей и взрослых. Заказов было много, а работала она в городе, куда каждое утро добиралась на электричке. Егор гордился женой и не стыдился, что зарабатывает чуть меньше, чем она. Сам он был конюхом, все дни пропадал на конюшне и в цеху, где выращивали лошадей и делали конскую колбасу. Начальство его ценило, а невысокая зарплата устраивала. Егор любил лошадей и ни за что не хотел переезжать в город, как мечтала Валентина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.